

Эа (Юлиус Эвола)

ЧТО ТАКОЕ «МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»?¹

Мы в предыдущих работах² часто употребляли выражение «метафизическая реальность» как центральный пункт различных учений, поэтому сейчас будет полезно уточнить, о чем идет речь.

Для начала стоит взять буквальное и этимологическое значение данного выражения. Метафизическим является то, что не является физическим, что находится за пределом физики. Однако следует понимать физику широко, не как одну из современных наук, а также не стоит сводить все к той метафизике, с какой имеет дело современная философия. Мы будем чрезвычайно далеки от того, что имеется в виду, если под «физикой» станем понимать комплекс современных эмпирико-индуктивных знаний, где значение любого живого и непосредственного опыта растворяется в математических абстракциях и общих законах, годных только для подсчетов и предсказаний, а под «метафизикой» - философскую абстракцию, отвлекающуюся от «позитивных» экспериментальных методов и погрязающую

¹ Перевод с итал. А. Г. Дугин. Текст из книги «Введение в магию как в науку Я». Evola Julius (a cura di) Introduzione alla magia come la scienza dell'Io. V. 3. Roma:Edizione Mediterranee, 1971. С. 123-132. (прим. перев.)

² Речь идет о других статьях разных авторов, писавших под псевдонимами в журналах, издававшихся Эволой в конце 20-х годов — «Ug» и «Krug», собранных в трехтомнике «Введение в магию как в науку Я». См. пред. сноску. (прим. перев.)

в пустых спекуляциях и в мало осмысленных, не верифицируемых естественными науками фантазиях.

Напротив, термин «физика» следует брать в самом прямом смысле, как нечто телесное. Под «физическим» следует понимать то состояние бытия, которое подчинено пространственным и временным условиям: ведь все, что является «телом», занимает определённое место в пространстве и подвержено изменениям в ходе времени.

В субъективистской перспективе достаточно поставить на место «бытия» «сознание», и тогда «физическим» мы признаем все то, что испытывает сознание, обусловленное в своем восприятии пространственным и временным факторами: оно будет иметь дело с Вселенной, состоящей из тел, воспринимаемых с помощью телесных способностей.

Теперь понятно, что такое «метафизическое»:

с объективной точки зрения, это любое состояние бытия, не связанное с условиями времени и пространства;

с субъективной точки зрения, это опыт, который реализуется в сознании, освобожденном от пространственно-временных способов восприятия.

Вот такому опыту в обоих смыслах мы и придаем статус метафизического.

Эти идеи могут показаться несколько непривычными всем тем людям, которые воспринимают и запоминают только то, что имеет отношение к телесным состояниям. Поэтому они автоматически привыкли отождествлять «реальность» и «телесность»; поэтому само выражение «метафизическая реальность» (где «метафизическое» означает не-телесное) покажется им противоречием в терминах. Прыжок в «метафизическое» будет тогда выглядеть как прыжок в пустоту, так как нельзя представить себе, что можно воспринимать что-либо опытным путем, когда телесные чувства вынесены за скобки. Кроме того, сознание в метафизическом состоянии должно быть сознанием в полном отрыве от тела, что происходит, строго го-

воря, естественным образом только после смерти, и что, глядя на это с другой точки зрения, вполне может повлечь за собой смерть как прямое следствие.

Нашим давним читателям не стоит чрезмерно останавливаться на этой трудности¹. Известно, что инициация, ведущая к реализации метафизических состояний, очень часто сравнивается с процессами, протекающими в смерти, с тем лишь отличием, что они вызываются здесь специально, в соответствии с «искусством»², и проживаются активно, с сохранением непрерывности сознания. Во вторую очередь, той очевидности, которую здравый рассудок воспринимает в ходе опыта, ограниченного телесными органами восприятия, следует противопоставить довольно элементарные положения философской критики процесса познания: а именно, что пространство и время не являются сами по себе конститутивными элементами реальности, поскольку реальность сама в себе не является ни временной, ни пространственной, но становится таковой лишь в силу особого устройства человеческого земного восприятия, которое не способно воспринять ее иным способом. Но раз так, раз пространство и время суть просто законы человеческого мышления, и легко представить себе, что эти законы при определенных обстоятельствах могут быть нарушены и дадут место иным законам: тогда обычное восприятие реальности как телесности сменится иным опытом, где «реальность» представит таким образом, что никакого следа телесности в ней больше не останется.

Итак, если допустить эту сущностное изменение, эту трансформацию внутренней природы, которые в определенных местах и в определенные времена считались следствием получения инициации, мы можем представить себе удаление от

¹ Эвола имеет в виду, что читатели этих весьма специальных текстов, публикуемых в журналах с очень ограниченным тиражом, должны быть уже знакомы с инициатической тематикой и проблематикой. (прим. перев.)

² Речь идет об *ars sacra*, «сакральном искусстве», «инициатическом искусстве». (прим. перев.)

обыденных форм восприятия и открытие возможности воспринимать реальность «метафизически», то есть не телесным образом.

Осталось добавить, что такие понятия как «не телесное» и «метафизическое» довольно общие, и описывают совокупность различных состояний, которые имеют лишь ту общую черту, что выходят за рамки физической реальности. Это предупреждение важно потому, что современные люди имеют в этой области очень узкие горизонты. Если они и умеют считать больше, чем до «одного» (например, допуская, что может существовать нечто за пределом физического плана), то совсем уже редки случаи, когда им удается сосчитать больше, чем до «двух», застревая в бесконечных биномах — телесное/не телесное, по эту сторону/по ту сторону, этот мир/иной мир и т.д., понимая каждый термин как строгую половину чего-то целого. *Таким убожайшим представлениям следует противопоставить концепцию множественности состояний существования, среди которых телесное земное существование есть лишь частный случай, один крохотный сектор среди гигантского объема других возможностей, которые составляют целостность совсем другого рода.* Таким образом, строго говоря, общее название «метафизическая реальность» может быть применено к описанию всех состояний бытия, за исключением лишь земного человеческого существования. Например, когда наши науки¹ говорят о стихиях, о Семи (планетах), о Двенадцати (знаках Зодиака), речь идет о символических указаниях как раз на весьма различные метафизические состояния, сопрягаемые Древними с планетами и созвездиями и наделенные той же очевидностью мира, какой обладают для земных людей вещи, постигаемые в пространстве и времени. Но название «метафизическая реальность» может иметь и еще один, более конкретный смысл; если термин «природа» мы истолкуем в античном смысле термина φύσις, куда включается

¹ Эвола имеет в виду «сакральные науки». (прим. перев.)

не просто телесный мир, но, в сущности, все то, что является проявленным, манифестированным: *в таком случае под метафизической реальностью следует понимать трансцендентное, необусловленное.*

По ходу дела заметим, что *обыденное представление о «смерти» следует полностью пересмотреть, лишив свойства быть важным, неповторимым, трагическим и определенным событием для какого-то существа, чем оно является в обычном человеческом, и особенно «христианском» сознании, входя в состав пары «по эту сторону»/«по ту сторону».* Конечно, смерть может иметь подобный смысл для тех, кто полностью поместил всю свою опору в телесное бытие, и, лишившись его, обречен на полный разрыв в сознании. Но в остальных случаях умереть означает лишь изменить состояние: множество раз мы умираем, а также множество раз мы рождаемся и живем вновь, пересекая новые планы бытия по ту сторону физической человеческой экзистенции. Точно так же в активном процессе инициации смерть/рождение неопита — это лишь первый элемент из долгой серии, где все это будет неоднократно повторяться при каждой очередной смене состояния, и каждая из них — от планеты к планете, от имени к имени, от божества к божеству, от неба к небу, от страны к стране — будет предполагать новые и новые смерти, и новые и новые рождения. Тот, кто способен заглянуть в реальную множественность вещей мира, сумев распознать подлинные пропорции, освободившись от гипноза ничтожной земной жизни, увидит бесконечное величие пути, ведущего через миры и небеса, через зоны мрака и зоны света.

* * *

Понятие «метафизической реальности» выводит нас еще на один вопрос философского характера. Могут сказать, что в определённом контексте «реальность» совсем не совпадет с «телесностью»: в таком случае, что будет значить термин «ре-

альное» в отношении «я»? «Реальное» будет означать в общем случае бытие вещей в самих себе, вне «я» и независимо от «я». Тогда то, что переживается в опыте, совершенно не зависит от самого опыта (например, как это происходит в случае чувственного опыта), но остается полностью отличным от меня, существуя объективно, независимо от того, воспринимаю я это или нет.

Это позиция так называемого «философского реализма», который является лишь переносом на иной уровень того же самого, с чем мы сталкиваемся в опыте телесной реальности: отношение нашего «я» к телесным вещам является образцом для такого философского реализма. Но «метафизическая реальность», как было сказано, предполагает трансформацию манеры познания, а значит, здесь нет общей меры с таким пониманием реальности. На самом деле, ведь здесь мы больше не имеем дела с пространственными вещами, которые можно было бы потрогать, с кажущимся столь наглядным различием между субъектом и объектом, между «внутри» и «вовне», между познающим и познаваемым; тем самым и всякая солидность основания у философского реализма теряется.

В этом отношении один автор¹ пишет о сходстве, которое существует между направлением современной метапсихики и чисто инициатическим направлением, стремясь подчеркнуть, что подобные термины позволяют укрепить позиции философского идеализма.

Допущение метафизической реальности, познаваемой исключительно посредством внутренней реализации (как уже

¹ Э. Сервадио в «Ля Фьера Литеррария» (№ за 30-9-1928). Сервадио утверждает, что противоположность состоит в следующем: метапсихика, отталкиваясь от позитивистско-сциентистских принципов, сегодня стремится опереться на философские гипотезы и спиритуалистические догадки; в то время как эзотеризм (Сервадио прямо ссылается на нашу группу) хочет освободиться от всего имеющего отношение к спиритуализму и философии, чтобы сосредоточиться на вопросах знания и техники. (прим. Эволы).

было сказано), приобретет мгновенно ясный смысл, если изначально придать этому познанию статус действия «я». В таком случае мы получим точку зрения так называемого современного идеализма, который вопреки философии, сводящей процесс познания со стороны индивидуума к простой фиксации вибраций, проистекающих из внешней реальности, радикально переворачивает позиции, утверждая основополагающим принципом когнитивной функции «я», и этим своим актом творит реальность, проецирует реальность как атрибут того, что это «я» познает. Эта концепция идеализма — продолжает все тот же автор — может столкнуться с серьезными проблемами в сфере обыденного опыта. Но вместе с тем она имеет то преимущество, что легко допускает условия познания, резко отличные от тех, что предопределены индивидуальным состоянием, и предполагает в качестве необходимого условия радикальное изменение познавательной функции, то есть самого индивидуума: это тождественно трансформации всего существа, о которой и идет постоянно речь в инициатических науках. Так, заключает наш автор, можно применить к «метафизической реальности» идеалистический концепт реальности-как-актасознания и реальности-как-конструкта-«я». Здесь можно было бы сказать: «Я сам, в процессе восхождения, делаю то, что становится, являясь в пределе господином реальности, имеющей истоком меня же самого».

Здесь завершим рассмотрение идей данного автора. С ним частично можно было бы согласиться. Оставив в стороне идею «я», можно признать, что в то время как философский реализм заведомо ограничен природными очевидностями чувственного физического опыта, теория философского идеализма намного более пластична и поэтому более пригодна для того, чтобы признать способ и значение «метафизического» опыта. Скажем также, что идеалистические взгляды, которые исключают представление о реальности, абсолютно независимой от нашего «я» и нашего сознания, могут представлять ценность только

в случае отсылки к такого рода опыту, тогда как в случае обычного опыта они будут выглядеть односторонне и редуцированно в абстрактных гносеологических терминах.

В остальном, если мы обратим внимание на случаи, когда знание трансцендентного характера получает выражение в философской системе (можно привести в пример Веданту, Махаяну, или на Западе — неоплатонизм), мы увидим, что в них преобладает концепт творящего и идентификационного знания антиреалистического толка. Характерно следующее место из Упанишад, где говорится: «Утвердитель мира это «я» (атман); утверждая себя, мы получаем «я» и одновременно свойство мира быть реальным, а в мире самом по себе «я» нет, а значит, нет и мира. Но можно остаться и в границах Запада и обратиться к Плотину; в частности, к его утверждению о «внетелесных органах чувств небесного человека»¹, которые воспринимают иным образом, нежели органы чувств телесного человека. Плотин утверждает: «Сказано, что бытие - это то же самое, что мышление, поскольку в нематериальном мире мысль и реальность строго совпадают»². И еще: «Не следует искать интеллигибели (ноэтысы, умопостигаемые формы, то есть нетелесные принципы «метафизической реальности») за пределом интеллекта. Мы никогда не будем с ними едиными, если не обладаем интеллектом, и только это является свойством подлинно интеллектуального знания (то есть метафизического познания): таким образом, ничто не убежит от нас и ничто не останется за нашими пределами, чтобы искать это потом где-то там; внутри интеллекта будет пребывать истина; он станет местом пребывания реальных существ; они будут жить и понимать»³. В уме (*νοῦς*) как в метафизическом принципе бытия, говорит Плотин⁴, для видящего двое становятся одним:

¹ Плотин. Эннеады. VI, vii, 7. (прим. Эволы).

² Там же. V, ix, 5. (прим. Эволы).

³ Там же. V, v, 2. (прим. Эволы).

⁴ Там же. III, viii, 7. (прим. Эволы).

происходит так, что двое становятся одним, то есть живым видением, а не просто действием видения того, что является другим. Можно было бы привести много подобных мест против дуалистически-реалистского концепта познания, вдохновенного чувственным опытом телесности. Приведем лишь еще одно¹, где говорится, что объект ума (νοῦς) не находится вне его, но есть он сам, пребывает там же, где и ум, видит его в себе самом в акте познания.

В этих выражениях ясно виден активный, антидуалистический характер трансцендентного когнитивного процесса, но в них нет любимого для современных идеалистов термина «творчества». Тут требуются некоторые пояснения.

Среди различных метафизических возможностей существует «творящее состояние», а точнее, различные «творящие состояния». Чтобы пояснить это, приведем следующую аналогию. В определенных состояниях, когда достигается полное присутствие себя для самого себя, внутреннее господство надо всеми действиями, мы можем осуществить нечто, что выльется в полностью осознаваемый и контролируемый акт познающего творения определенной вещи, в том числе и представляющейся внешне статичной и неодушевленной. Это проявление динамического уровня природы. Сознание может вступить с этим актом в контакт; при этом сознание трансформируется таким образом, что отношения с природными объектами могут вполне быть определены как «творение».

Однако здесь речь идет не о вульгарном создании чего-то, чего ранее не существовало. То, чего не существовало ранее, на самом деле, так это осознания данного отношения. Объективно говоря, никакая форма, которая не основывалась бы на процессе активного создания, вообще не могла бы существовать; любая существующая форма отсылает нас к творческому

¹ Там же. II, ix, 1. См. Corpus Hermeticum, II, 11. Бестелесное есть «интеллект и разум (λογος), которые окружают самих себя, свободные от любого тела, чуждые заблуждениям, бесстрастные и неприкасаемые, довольные всем, заключающие в себе все сущности». (прим. Эволы).

и динамическому началу, выражением которого она и является. В отношении «я» нельзя сказать, что «эти процессы ранее не существовали». Точнее будет выразиться, что на телесном уровне эти процессы находились в молчаливом состоянии, на уровне бессознательного, подобно тому, как производится автоматическое действие. Силы динамического состояния являются частью «я» и никогда не прекращают быть этой частью. Речь идет лишь о том, чтобы поместить их в зону внимания. Нельзя *стать* «творцом» не будучи им уже: мы *всегда* творцы, надо только вспомнить об этом, то есть переместить сознание на соответствующий уровень. Так, для этой трансформации или сходной с ней лучше всего подходит термин *пробуждение*. — Концепт «творения» в основном современном смысле и особенно в идеалистически-историцистском контексте отсылает нас к едва прикрытому эволюционизму: он предполагает, что мы исходим из меньшего и стремимся превратить его в большее. Инициатический взгляд на вещи прямо противоположен: «подлинное состояние» существа, коренящееся в *in signo rationis*¹, вне его самого имеет не «большее», но только «меньшее» (откуда александрийская доктрина о *сокращении* степени света в *πρόδος*, «исхода» «исхождения», а этот термин и был переведен позже как «прогресс»). Так, там говорится не о становлении богом и творцом со стороны не-бога и не-творца (это антиаристократическая идея «прихода снизу»), но о пробуждении и реинтеграции, о возврате к самому себе, о «спящем божестве» (Климент Александрийский), о «раненом ангеле» (Беме).

Стоит сделать еще одно уточнение в отношении «метафизической реальности». Идея «творить» подчас сопряжена с идеей «властвовать». Обе идеи не сливаются друг с другом до конца. «Властвовать» касается лишь некоторых метафизических состояний (персонифицированных в теологии божественной иерархией «тронов» и «могуществ»). Также традиционные

¹ В знаке разума. (прим. перев.)

выражения – что уже видно у Плотина – «стать властями», «быть самим богами». Адекватное восприятие творческих метафизических функций позволяет нам смотреть на подобные выражения непредвзято. «Запечатать эти функции с помощью короны», если использовать каббалистическое выражение, это нечто вполне возможное. Но прежде необходимо решить, этого ли мы хотим и достаточно ли мы для этого квалифицированы. Герметическое учение, приписываемое Зосиме, гласит: «духовный человек», «тот, кто знает самого себя», пренебрегает внешней материей и позволяет вещам следовать путями природы и согласно законам, а при этом ищет только себя самого, божественный гнозис и сферы неназываемой Триады.

Далее становится вопрос о стяжании могущества. На определенной метафизической стадии структура и порядок могущества на уровне микрокосма может стать чем-то, что обладает собственной природой и может восприниматься как самостоятельное существо. Можно даже изменить его — но это предполагает игру напряжений и автореакций. Речь идет о том, чтобы зайти очень далеко в определенном направлении, пока не коснешься и одновременно не «опечатаешь короной» то могущество, которое в некоторых традициях называется «хаосом», а в других «смертью» (бог Мртья в индуизме), и которое является «материей прима» всех трансформаций. Как следствие за этим идет радикальное изменение (смерть-возрождение) и пробуждение в иной метафизической иерархии.

Скажем лишь, что это только одна из возможностей, а не единственная цель и совсем уже не единственно возможный метафизический опыт. Путь властвования это лишь один из лучей, исходящих из центра: он берет свое существование из многих иных путей, которые также сияют в истоке, где свобода открывается как высший закон всего, как оправдание двойной жизни, жизни света и мрака, небес и земли, урании и теллурии.

Юлиус Эвола

Абстрактное Искусство

Верстка

И. В. Максимов

Корректор

З. А. Тепцова

Подписано в печать 11.04.2012. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.
Тираж 1000 экз.

«Евразийское Движение»
Москва, 117105. Варшавское ш. 1/1, офис А 308.